Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

С. Вегрен, И.В. Троцук

Стивен Вегрен, профессор политологии, Южный методистский университет Далласа (США). 75275-0117, Даллас, Техас, 75275-0333. E-mail: swegren@smu.edu

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Российские личные подсобные хозяйства (ЛПХ) характеризуются сегодня рядом парадоксальных черт. В основе этих парадоксов лежит тот факт, что роль ЛПХ в сельском хозяйстве страны меняется, а их будущее остается неопределенным. По мере того, как сельскохозяйственное производство консолидируется в руках все меньшего числа крупных компаний, сетевые поставщики упрочивают позиции на рынке, регулирование санитарных и ветеринарных условий становится все более всеобъемлющим, а российские компании все прочнее интегрируются в глобальные рынки, развитие ЛПХ отстает по всем перечисленным параметрам. Уже сегодня пребывая в состоянии устойчивого спада, в будущем ЛПХ вряд ли смогут преодолеть свою нарастающую маргинализацию, поскольку шансы на изменение данной тенденции крайне малы. Исследователи не наблюдают возможностей для прекращения наметившегося спада сельскохозяйственного производства в ЛПХ ни в абсолютных, ни в относительных показателях. Для российских ЛПХ не характерна гибкость хозяйственных стратегий, поскольку их члены почти не располагают рычагами для смягчения негативного воздействия враждебного экономического окружения и противостояния ограничительным мерам, которые вводят региональные власти. Более того, современные горожане не зависят от продукции ЛПХ в той мере, что прежде, и ЛПХ не помогают государству решать задачи продовольственной политики, т. е. сектор ЛПХ более не считается приоритетным. В этом смысле российский кейс важен для изучения проблем сельского развития: сектор ЛПХ вносит все меньший вклад в экономический рост; взаимоотношения мелких и крупных хозяйств стали столь конкурентными, что ЛПХ вряд ли способны выиграть противостояние с крупными производителями; ЛПХ продолжают производить продукты питания для собственного потребления, но их вклад в местное продовольственное обеспечение продолжает сокращаться.

Ключевые слова: Россия, личные подсобные хозяйства (ЛПХ), приусадебные участки, домашние сады, постсоветское сельское хозяйство

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-22-49

В последние десятилетия не прекращаются споры о том, каков вклад ЛПХ в экономический рост и каковы взаимоотношения малых и крупных форм хозяйствования (Goldsmith, 1985; Durr, 2016). В мире на-

считывается около 2,5 млрд ЛПХ, которые управляют более чем 500 млн фермерских хозяйств, где производится 70% всего продовольствия (Clapp, 2016: 3). Исследователи отмечают, что ЛПХ используют лишь 12% мировой площади сельскохозяйственных земель, т. е. доминируют количественно, но сталкиваются с ограничениями размеров своих земельных участков (Lowder, Skoet, Raney, 2016). Сторонники малых форм хозяйствования считают, что они являются двигателем экономического роста и обеспечивают рост производительности, поскольку повышают уровень жизни на сельских территориях, уровень занятости и доходы самозанятых, а также сокращают бедность (Hazell et al., 2010). Кроме того, малые формы важны для мирового сельского хозяйства, потому что вносят вклад в продовольственную безопасность и экологическую устойчивость, способствуют агробио- и продовольственному разнообразию (Graeub et al., 2016).

Однако ЛПХ повсеместно сталкиваются с бесчисленными препятствиями, конкретные сочетания которых зависят от политического режима и исторического периода, однако в целом мелкие сельхозпроизводители, как правило, испытывают недостаток информации о ценообразовании, оказывают слабое влияние на сельскохозяйственное развитие, страдают от диспаритета цен на рынках сырья и готовой продукции, недоступности кредитов, высоких транзакционных издержек, слабого влияния рынка на ценообразование, неразвитой инфраструктуры, особенно транспортной, отсутствия технологических знаний, низкой устойчивости к рискам, ограниченного доступа к исследовательским данным, агроконсалтингу и каналам поставок, недостатка знаний о рыночных механизмах и ценообразовании. Кроме того, малые формы хозяйствования в развивающихся странах часто сталкиваются с искусственными ограничениями либо со стороны центральных правительств, которые защищают интересы городов, либо со стороны рыночных структур, которые устанавливают невыгодные цены для производителей нетоварных культур (Lipton, 1976; Bates, 1981)[1].

Не только ЛПХ сталкиваются с особыми ограничениями — глобальную политико-экономическую ситуацию сложно назвать благоприятной для малых форм в сельском хозяйстве. Институциональные условия мировой сельскохозяйственной торговли не выгодны для развивающихся стран, где сконцентрированы мелкие сельхозпроизводители. Условия Соглашения по сельскому хозяйству (Agreement on Agriculture — AoA), Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS Agreement) и Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер (SPS Agreement),

1. Некоторые государственные ограничения были сокращены за счет структурных изменений политических программ, которые стали осуществляться в Африке с середины 1980-х годов (Birner, Resnick, 2010). Однако важнее того, что городские потребители в развивающихся странах часто защищены государственными программами субсидирования розничной торговли продуктами питания (Van de Walle, 2001).

принятых в рамках Уругвайского раунда переговоров по ВТО, направлены против развивающихся стран. «В той форме, в какой принято Соглашение по сельскому хозяйству, оно институционально закрепило неравенство богатых и бедных стран в рамках обязательного для всех международного договора» (Clapp, 2016: 78). Политики развитых и развивающихся стран обычно поддерживают крупные сельхозпредприятия, потому что они более современны и технологичны. Крупные хозяйства обладают экономическими преимуществами широкомасштабного производства и обеспечивают излишки продукции для экспортной торговли. В последние сорок лет отчетливо наметилась глобальная тенденция концентрации капитала в крупных хозяйственных формах. Мировой агробизнес активно влияет на глобальную продовольственную политику в собственных интересах, что неизбежно укрепляет его экономическую мощь. И хотя только 25% мирового производства продуктов питания идет на продажу, агробизнес наращивает влияние и укрепляет позиции за счет контроля цен, лоббирования, воздействия на правительства и меры регулирования поставок и продовольственной безопасности, а также на публичный дискурс о роли глобальных продовольственных компаний (Clapp, 2016: 16).

Российские ЛПХ сталкиваются с теми же ограничениями, что и мелкие сельхозпроизводители по всему миру, однако для них характерны и собственные парадоксы. Социально-экономический контекст, в котором приходится существовать российским ЛПХ, крайне важен для понимания их роли в стране, которая стремится стать глобальной продовольственной державой: с 2015 года Россия трижды становилась лидером мирового экспорта пшеницы, и высока вероятность, что в 2019/2020 сельскохозяйственном году в четвертый раз возглавит рейтинг мировых экспортеров пшеницы. Россия также наращивает экспорт мяса и может войти в пятерку мировых лидеров экспорта свинины по итогам 2019 года (Кулистикова, 2018). К 2024 году руководство страны рассчитывает на долю в 10% от глобального рынка органических продуктов с оборотом в 200 млрд долларов США, и президент В.В. Путин уже дал указание продвигать зеленый бренд «экологически чистых» продуктов питания. Страна расширяет экспорт переработанной продукции — предполагается, что его объемы вырастут минимум на треть к 2024 году по сравнению с 2017 годом согласно поставленной Путиным задаче достижения объемов экспорта российского АПК в 45 млрд долларов США к 2024 году. Страна прилагает усилия для продвижения бренда «сделано в России». В результате мелким сельхозпроизводителям приходится работать в социально-экономических условиях, где капитал, производство продовольствия и прибыль все больше концентрируются в гигантских агрохолдингах (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018: 16-20). Вот показательный пример: ожидается, что один из крупнейших и сильнейших агрохолдингов «Черкизово» в 2019 году увеличит выручку до 130 млрд рублей против 102 млрд в 2018 году (Кулистикова, 2019). Выручка одного только «Черкизово» в 2019 году составит 8%

общей стоимости сельскохозяйственной продукции всех ЛПХ в 2017 году (Российский статистический ежегодник, 2018: 365).

Статья призвана ответить на два вопроса: с какими парадоксами сталкиваются российские ЛПХ и как эти парадоксы изменяют роль мелких сельхозпроизводителей в продовольственной системе? Мы полагаем, что рассматриваемые парадоксы отражают неоднозначный статус ЛПХ в российской продовольственной системе, и высказываем два предположения: во-первых, как и повсеместно, мелким сельхозпроизводителям в России все сложнее конкурировать с индустриальным сельским хозяйством и крупным агробизнесом, поскольку аграрные системы и продовольственная политика ориентированы на поддержку крупных игроков (Bernstein, 2010). Кроме того, российские мелкие сельхозпроизводители многочисленны (по данным сельскохозяйственной переписи 2016 года, их более 18 млн), но географически рассеяны, политически слабы и не имеют своих представителей на федеральном и региональном уровне[2]. Основные законы капиталистического накопления — концентрация земли, финансов, производственных капиталов и технологий — в сочетании с надеждами России на статус великой державы объясняют более неустойчивое положение ЛПХ, чем оно было на протяжении десятилетий с конца 1950-х годов.

Во-вторых, роль мелких сельхозпроизводителей в российской продовольственной системе все больше маргинализируется, эта тенденция отчетливо наметилась еще в 2004 году: показатели производительности ЛПХ сократились как в объеме, так и в доле сельскохозяйственного производства по сравнению с другими типами сельхозпредприятий. Маргинализация ЛПХ объясняется рядом причин: доходы сельского населения растут, что снижает заинтересованность в выращивании продукции для собственного потребления; производство в ЛПХ основано на традиционных технологиях — ручном труде в целях самообеспечения продуктами питания (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 1); труд в ЛПХ в целях самообеспечения сокращает другие жизненные возможности, что заставляет отказываться от него — намного дешевле и проще купить продукты в розничном магазине, чем вырастить самостоятельно; сохраняется сельский демографический тренд на отток молодежи, но именно она, согласно статистическим данным, проводит больше всего времени на приусадебных участках; потребительские установки общества изменились, потребители ориентируются на качество, ассортимент и места покупки, а мелкие сельхозпроизводители преимущественно продают картофель и овощи невысокого качества. Вопрос в том, когда и чем закончится тенденция спада производительности ЛПХ, т. е. они сегодня находятся в критической точке.

2. Основная организация, призванная выражать интересы аграриев, АККОР на самом деле выражает государственные интересы и поддерживает в первую очередь фермерские хозяйства.

Парадокс первый: кто они — российские мелкие сельхозпроизводители?

Первый парадокс связан с определением мелкого сельхозпроизводителя: использование данного термина в российском официальном дискурсе явно отличается от международных определений. Своей концептуальной неоднозначностью термин обязан российскому правительству, которое использует понятие «малые формы хозяйствования (в АПК)», отождествляя коммерческие и некоммерческие виды сельскохозяйственной деятельности и размывая границу между крупными и мелкими производителями. Размытость терминологии затрудняет анализ ситуации, в которой сегодня оказались малые формы хозяйствования, поскольку не вполне понятно, о чем, собственно, идет речь. Международные организации обычно определяют мелких сельхозпроизводителей как семейные хозяйства или осуществляющие сельскохозяйственное производство на двух и менее гектарах (Reaching the Rural Poor, 2003)[3]. В мире 84% семейных хозяйств имеют менее двух гектаров (The State of Food Insecurity, 2015: 31). В России доля производителей продовольствия, которые подходят под данное определение мелких хозяйств, превышает 99%.

Опираясь на критерий в два гектара, в России можно обнаружить несколько «настоящих» типов мелких сельхозпроизводителей. Во-первых, садоводы — преимущественно выращивают фрукты (яблоки, груши, сливы, вишню), хотя речь может идти и о некоторых овощах. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, размер земельных участков под садоводство в среднем составляет 0,07 гектара (т. 3: 79). Во-вторых, огородники — выращивают овощи, в основном огурцы, помидоры, морковь, зеленый лук, чеснок и кабачки (т. 3: 83). В-третьих, дачники — горожане выезжают на выходные и каникулы, чтобы отдохнуть от города и расслабиться на природе: средний размер дачных участков составляет 0,11 гектара (т. 3: 87). В совокупности эти три формы используют незначительный объем сельскохозяйственных земель и обеспечивают собственное потребление[4].

---

3. В литературе по девелопментализму понятие «семейные хозяйства» часто выступает синонимом мелких сельхозпроизводителей, поскольку оба типа основаны на семейном труде и семейном управлении, но по всем остальным параметрам мелкие и семейные формы различаются (например, по уровню коммерциализации и доле несельскохозяйственных доходов). Таким образом, понятие «семейное хозяйство» неоднозначно и включает в себя целый спектр хозяйств — от мелкого натурального до крупного, высокомеханизированного, капитализированного и рыночно-ориентированного.
4. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, под садоводство отведено 628,3 тысячи гектаров сельскохозяйственных земель, под огородничество — 20,5 тысячи, под дачные участки — 69,7. Общая площадь земель сельхозназначения превышает 142,6 млн гектаров (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 3: 8,

Другой «настоящий» тип мелких сельхозпроизводителей — приусадебные сады, или ЛПХ. В советский период они назывались подсобным хозяйством или личным подсобным хозяйством, т. е. существовали за рамками государственных планов и квот. В постсоветский период эта форма сельскохозяйственного производства стала называться домашними садами, садами в целях развлечения/хобби или фермерскими хозяйствами, хотя определение «фермерский» явно противоречит природе подобных хозяйств в силу их незначительного размера. Земля ЛПХ обычно расположена вокруг жилого дома: особенностью сельских районов России являются земельные участки вокруг домов, которые называются приусадебными, причем дополнительные участки могут браться в аренду и вдали от дома. В советский и постсоветский периоды ЛПХ были и отчасти остаются сегодня экономически важными с точки зрения производства продуктов. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, ЛПХ используют менее 3% пахотных земель (85% из них обрабатывают сельские ЛПХ), ЛПХ ведут не только сельские жители, но и горожане, хотя бо́льшая часть используемых под ЛПХ земель находится на сельских территориях (91%).

На протяжении всего советского периода размер приусадебных садов зависел от занятости членов домохозяйства (Wadekin, 1973; Hedlund, 1989). Принятый в 2003 году Федеральный закон № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» определил ЛПХ как форму непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции на площади приусадебного участка в 0,5 гектара с возможностью ее расширения до 2,5 гектара. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года оценила средний размер приусадебного сада в 0,7 гектара (на сельских территориях — 0,8 гектара, на городских — 0,3). В России доминируют небольшие приусадебные участки: у двух третей ЛПХ их площадь меньше 0,2 гектара. В то же время существуют и очень большие приусадебные участки: половина сельскохозяйственных земель, зарегистрированных за ЛПХ, используется менее чем 1% домохозяйств, и у них средний размер приусадебного участка — около 69 гектаров (Полунин, Алакоз, Черкашин, 2018: 40).

Используемый в официальном дискурсе термин «малые формы хозяйствования» обозначает фермерские хозяйства, многие из которых не являются мелкими сельхозпроизводителями, что размывает содержание термина. Средний размер фермерского хозяйства увеличился с 43 гектаров в 1995 году до более чем 241 гектар в 2016-м, и непонятно, почему фермерство до сих пор считается «малой формой». Российские фермеры существенно отличаются от «настоящих» мелких сельхозпроизводителей, что показано в таблице 1: так, ЛПХ основаны преимущественно на ручном труде, производят продукцию для соб-

78, 82, 86). Вклад частных хозяйств в коммерческую торговлю продуктами питания из этих трех источников незначителен.

ственного потребления, а не в коммерческих целях, и эта продукция не облагается налогами. Фермерские хозяйства отличаются от ЛПХ следующим: крупные земельные участки (по данным сельскохозяйственной переписи 2016 года, только 17% фермерских хозяйств имеют землю площадью менее четырех гектаров); наемный труд (в том числе сезонные рабочие); высокий уровень механизации и вовлеченности в несельскохозяйственные виды деятельности; официальная регистрация как коммерческих предприятий, поэтому их продукция облагается налогами; участие в федеральных и региональных программах, помогающих фермерским хозяйствам заняться животноводством.

Таблица 1. **Сопоставительная характеристика российских мелких сельхозпроизводителей**

Критерии	ЛПХ	Садоводство, огородничество, дачные участки	Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели (ИП)
Тип собственности	Частная	Частная или коллективная	Частная или коллективная
Цель деятельности	Собственное потребление	Собственное потребление	Собственное потребление или коммерция
Уровень коммерциализации	Низкий	Низкий	От среднего до высокого
Использование наемного труда	Не используется	Не используется	Используется в разной степени
Управление	Индивидуальное	Индивидуальное или коллективное	Коллективное (за исключением ИП)
Доступ к кредитам	Низкий	Низкий	Средний
Доступ к технической поддержке	Низкий	Низкий	От низкого до среднего
Использование высоких технологий	Низкое	Низкое	От низкого до среднего
Средний размер земельного участка (в га)	0,08 на селе 0,04 в городе	0,07–0,11	241

Одно из последствий приравнивания мелких сельхозпроизводителей к фермерским хозяйствам — терминологическая путаница. Когда российское руководство и политики говорят о малых формах хозяйствования, непонятно, о чем собственно идет речь. Более того, объединение столь разных форм под одним названием приводит к тому, что игнорируется принципиальное различие их потребностей: фермерские хозяйства, будучи коммерческими предприятиями, имеют совершенно иные задачи и запросы, чем ЛПХ; аналогичным образом, когда официальный дискурс не проводит различий между разными малыми формами хозяйствования, то из виду упускается более важная роль фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции по сравнению с ЛПХ. Также терминологическая путаница затрудняет проведение сопоставительного анализа: с одной стороны, российские фермерские хозяйства действительно «семейные», но, с другой стороны, по своим характеристикам они отличаются от семейных хозяйств в развивающихся странах. И, наконец, объединение разных типов мелкого сельхозпроизводства в одной категории негативно воспринимается теми, кто эти формы реально представляет. Когда члены ЛПХ слышат обещания политиков о государственной поддержке малых форм хозяйствования, они оказываются крайне разочарованы тем, что ее получат только фермерские хозяйства. Таким образом, рассуждения политиков и исследователей о малых формах хозяйствования в международном контексте не вызывает вопросов и сомнений в том, кто имеется в виду и какими характеристиками обладает (хотя международное определение учитывает множество факторов, включая объемы продукции), а когда российские политики и исследователи российского общества говорят о «малых формах», сложно понять, о чем собственно идет речь.

Парадокс второй: исторические трансформации отношения к ЛПХ

Второй парадокс состоит в том, что советское государство подавляло ЛПХ как пережиток аграрного капитализма. Идеологическое неприятие капитализма осталось в прошлом, но нельзя сказать, что ЛПХ стали лучше себя чувствовать с 2004 года, когда началось интенсивное развитие аграрного капитализма в России. Ироничность ситуации состоит в том, что ЛПХ смогли выжить в эпоху коммунистического давления, а сегодня их роль как участника системы продовольственного обеспечения страны сходит на нет.

В советский период ЛПХ сталкивались с жесткими ограничениями по причине идеологического доминирования коллективных форм сельского хозяйства. Малые формы хозяйствования в рамках социалистической системы оказывались в экономической ситуации, которая полностью определялась марксистско-ленинскими принципами, реализуемыми даже методами принуждения. Коммунисти-

ческая идеология не только задавала общий институциональный контекст деятельности ЛПХ, но и была крайне враждебна по отношению к малым формам хозяйствования, которые считала пережитками капитализма. Ортодоксальные марксисты особенно подозрительно относились к «богатым» крестьянам и утверждали, что крупные коллективные хозяйства, собственником и руководителем которых выступает государство, — высшая форма организации сельского хозяйства. В.И. Ленин (1959) призывал советское общество отказаться от территориально рассеянных частных хозяйств и заменить их коммунами, артелями и кооперативами, и этот призыв активно претворялся в жизнь с конца 1920-х годов.

Безусловно, ограничительная государственная политика в отношении ЛПХ претерпела изменения при разных руководителях страны[5]. Однако в целом в советский период ЛПХ вносили столь зна-

5. Коллективизация с 1929 года запустила процессы индустриализации сельского хозяйства и вытеснила прежние крестьянские формы, доминировавшие в 1920-е годы. Однако И.В. Сталин не стремился полностью уничтожить мелкие формы сельхозпроизводства, о чем свидетельствует как структура аграрного сектора, так и необходимость кормить быстро растущее городское население. Например, в 1928 году крестьянские хозяйства обрабатывали 96% всех возделываемых земель (Nefedova, Pallot, 2006: 20). В ответ на крестьянские протесты против коллективизации и спад крестьянского производства в 1930 году был принят примерный устав сельскохозяйственной артели, допускавший сохранение в деревне ЛПХ с ограниченными размерами земельного участка. Кроме того, в 1935 году прежде хаотичные каналы сбыта собственной продукции были заменены на официальную систему колхозных рынков, где крестьяне могли продавать то, что вырастили на своих огородах. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года также гарантировал сохранение ЛПХ благодаря их вкладу в региональное продовольственное обеспечение. Право вести ЛПХ было внесено в Конституцию 1936 года. В военные годы Коммунистическая партия всячески поддерживала ЛПХ, чтобы прокормить местное население, особенно в районах, где совхозы и колхозы были уничтожены (Moskoff, 1990). После смерти Сталина Н.С. Хрущев впервые попытался смягчить государственную эксплуатационную политику в сельском хозяйстве. Он поднял закупочные цены, увеличил инвестиции и сельские зарплаты, изменил положение ЛПХ. В 1953–1958 годы Хрущев отменил налоги на продовольственную продукцию ЛПХ и облегчил для сельских домохозяйств закупку молодняка. В результате приусадебные участки ЛПХ увеличились, количество животных в ЛПХ выросло — эти тенденции были противоположны ситуации 1940-х годов. Л.И. Брежнев еще больше смягчил государственную политику по отношению к ЛПХ: сразу после прихода к власти в 1964 году он отменил множество ограничений, введенных Хрущевым после 1959 года. Например, максимальный размер ЛПХ был возвращен к показателям до 1956 года — 0,5 гектара вместе с жилыми постройками или 0,2 гектара на орошаемых землях; был отменен налог на домашнюю скотину; принятый в 1969 году примерный Устав колхоза разрешил домохозяйствам, где хотя бы один член работал в колхозе, использовать землю под ЛПХ; в конце 1970-х годов, когда советское сельское хозяйство вошло в период стагнации, Брежнев принял еще ряд мер для поддержки ЛПХ — в 1977 году

чительный вклад в региональное продовольственное обеспечение, что Коммунистическая партия просто не могла полностью запретить их (Wadekin, 1973; Hedlund, 1989). Продукция ЛПХ, по сути, доказывала, что советская система производства и распределения продовольствия не отвечала потребительскому спросу и не гарантировала постоянное наличие продуктов питания (Узун, Шагайда, 2015: 34-44).

Ограничительная политика государства по отношению к ЛПХ имела разные форматы: после Второй мировой войны Сталин разрушил систему ЛПХ, введя в 1948 году для сельских домохозяйств налог в натуральной форме и проведя коллективизацию в районах, оккупированных в годы войны. В послевоенные годы советская модель коллективизации была перенесена в балтийские страны и Восточную Европу, хотя позже ряд стран отошел от нее и «частный сектор» (домашние сады) утратил прежнее значение практически во всех социалистических странах, за исключением Польши и, в меньшей степени, Венгрии (Wadekin, 1982). Хотя продукция ЛПХ не учитывалась в государственном плане, в послевоенный перевод владельцы ЛПХ должны были осуществлять обязательные поставки по установленным государством ценам, низкие цены превратили доходы домохозяйств в доходы государства, и только в 1958 году обязательные поставки ЛПХ были отменены (Григоровский, Алексеев, 1968: 72-73). Во второй половине срока Хрущева государственная политика стала более жесткой и ограничительной, поскольку он считал ЛПХ «пережитком прошлого», а любой труд в ЛПХ — изъятым из коллективных хозяйств (Бенедиктов, 1989: 56): владельцам ЛПХ было запрещено закупать корма; после 1958 года выплаты колхозникам в натуральной форме (преимущественно зерно на корм домашней скотине) были сокращены; права на корм и выпас скота были урезаны; был введен налог на домашнюю скотину; владельцы ЛПХ должны были «добровольно» продавать свою скотину колхозам, но на деле такие продажи часто были обязательными. Подобная политика породила волну убоя скота, хотя и менее масштабную, чем в период коллективизации 1930-х годов.

После Хрущева «либеральная» политика Брежнева по отношению к ЛПХ не означала, что руководство страны стало сомневаться в верности курса на коллективизацию сельского хозяйства. В 1965–1980 годы Брежнев осуществлял финансовые вливания в коллективные сельхозпредприятия, чтобы увеличить уровень их механизации и модернизировать производство, тем самым сократив потребность

владельцы ЛПХ получили право брать кредиты на приобретение молодняка и покупать сельскохозяйственную технику. В январе 1981 года было принято постановление, упростившее доступ к кормам и другому сырью для тех владельцев ЛПХ, кто подписал договоры с совхозами и колхозами о продаже им своей продукции. Другое постановление в феврале 1981 года разрешило передавать землю, «неэкономно используемую» бедными колхозами и совхозами, в пользование ЛПХ (Wegren, 1998: 42-43).

в продукции домохозяйств. В этот период размеры ЛПХ и поголовье их скота контролировались так же жестко, как и прежде. Брежневский режим провел несколько проверок, чтобы убедиться, что ЛПХ не используют землю, которую им запрещено вовлекать в хозяйственный оборот (колхозные земли и общие пастбища).

Сегодня российское правительство не испытывает антикапиталистической антипатии к ЛПХ и не стремится сократить объемы их производства. Однако ЛПХ остаются квазикапиталистическими, доля коммерческих предприятий среди них незначительна, большинство ЛПХ либо полу-коммерционализированы, либо заняты самообеспечением, хотя следует помнить о серьезных региональных различиях в уровне коммерционализации (Узун, Сарайкин, 2012; Pallot, Nefedova, 2007). Современные ЛПХ функционируют в рамках продовольственной системы, где земля, капитал, технологии и производство сконцентрированы в руках небольшого числа огромных предприятий, называемых агрохолдингами. Поскольку приоритетом российского руководства является обретение статуса великой державы, государство поддерживает мегакапиталистические предприятия в той мере, в какой они способствуют обретению этого статуса. Агрохолдинги политически связаны с региональными элитами и пользуются преференциями при распределении кредитов и субсидий. Эти мегакапиталистические предприятия могут накормить страну и обеспечить ее экспортной продукцией. Таким образом, хотя российское государство не ограничивает деятельность ЛПХ напрямую, этот сектор не считается важным для продовольственной системы, а потому отношение к нему руководства страны можно квалифицировать как безразличие.

Парадокс третий: упадок ЛПХ на фоне роста устойчивого сельского хозяйства

Суть третьего парадокса в том, что ЛПХ пребывают в упадке на фоне набирающего популярность устойчивого сельского хозяйства и «экологически чистых» продуктов в России и за рубежом. ЛПХ — хороший пример устойчивого сельского хозяйства по причине низкого экологического воздействия вследствие слабой механизации, незначительного объема минеральных удобрений и пестицидов и ориентации преимущественно на местных потребителей своей продукции. Тем не менее большинство российских ЛПХ отрезаны от российских и международных каналов поставок продовольствия. Каковы же основные причины нынешнего упадка ЛПХ?

Во-первых, это особенности производства продукции ЛПХ. Исторически ЛПХ играли важную роль в производстве продовольствия. Так, в 1980-е годы домашние сады занимали менее 2% сельскохозяйственных земель, но производили примерно 20–25% сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении. Как правило, ЛПХ выращивали картофель, морковь, огурцы, мелкие фрукты и ягоды,

держали молочную корову, овец, коз, одну-двух свиней и кур. Со временем количество домохозяйств, державших скотину, сократилось, потому что эта возможность зависела от поддержки ближайшего крупного сельхозпредприятия (Личное подсобное хозяйство..., 1989: 108). В бурные 1990-е и в начале 2000-х годов ЛПХ производили более половины продуктов питания в стоимостном выражении (Pallot, Nefedova, 2007: 18). Однако с середины 2000-х годов производительность ЛПХ стала снижаться: с 56% в 2003 году до 32% сельскохозяйственной продукции в 2017 году и 22% в 2018-м в стоимостном выражении (Российский статистический ежегодник, 2018: 365; Россия в цифрах, 2019: 309), хотя следует помнить, что стоимость продукции ЛПХ приблизительна и на самом деле может быть ниже. Начало спада показателей ЛПХ совпал с появлением агрохолдингов как главных производителей продовольствия. Статистические данные позволяют предположить, что ЛПХ не смогли резко повысить свою производительность по сравнению с советским периодом, несмотря на два десятилетия рыночных реформ.

Во-вторых, это особенности землепользования: речь идет не столько о спаде показателей, сколько о том, что ЛПХ запаздывают с использованием пахотных земель. Общая площадь обрабатываемых ЛПХ сельскохозяйственных земель увеличилась: в 1990 году она составляла 2,4 млн гектаров, или 1,4% всех земель сельхозназначения, а к концу 1999 года выросла в два раза — до 4,87 млн гектаров (Сельскохозяйственная деятельность..., 2003: 22). Площадь пахотных земель, обрабатываемых ЛПХ, растет медленно и остается небольшой. По данным сельскохозяйственной переписи 2006 года, эта площадь составляла 8,1 млн гектаров (учитывались городские и сельские домохозяйства), а общая площадь сельскохозяйственных земель в распоряжении всех производителей продовольствия — 165,9 млн, из них 102 — пашня. Таким образом, ЛПХ обрабатывали около 4,8% сельскохозяйственных земель, но из 8,1 млн гектаров лишь 2,5 были пашней (31% всей площади), а оставшаяся часть была занята жилыми постройками или же не подходила для сельхозпроизводства, т. е. фактически ЛПХ использовали лишь 2,5% пашни (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, т. 3: 42). Если сосредоточиться только на сельских территориях, то картина будет более точной: сельские ЛПХ лидируют по площади обрабатываемой земли и по объемам продукции. Так, из 8,1 млн гектаров сельскохозяйственных земель 7,5 гектара расположены на сельских территориях; сельские ЛПХ используют 2,3 из 2,5 млн гектаров пашни. Соответственно, около 31% земли сельских ЛПХ — пашня, сельские ЛПХ использовали только 2,2% российской пашни, тогда как крупные и средние сельхозпредприятия — 66% российских пахотных земель.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года показала, что площадь сельскохозяйственных земель, используемых ЛПХ, увеличилась до 12,1 млн гектаров, но только 2,7 млн из них

были пашней (22% земли ЛПХ). Общая площадь земель сельхозназначения составляет 142,6 млн гектаров, из них 94,6 — пашня. Владельцы ЛПХ использовали 8,5% сельхозугодий и только 2,8% пашни. Напротив, 72% сельхозугодий в распоряжении сельхозпредприятий — это пашня, т. е. они обрабатывают 68% пахотных земель. И вновь выделение сельских ЛПХ делает картину более четкой: из 12,1 млн гектаров сельхозугодий ЛПХ 11 млн находятся на сельских территориях, т. е. из 2,7 млн пашни 2,3 млн расположены в сельских районах (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 3: 51-58), т. е. сельские ЛПХ обрабатывают 7,6% сельхозугодий и 2,4% пашни.

Таким образом, хотя общая площадь земли в распоряжении ЛПХ увеличилась за десятилетие с 2006 по 2016 год, площадь пашни выросла незначительно и не изменилась на сельских территориях (2,3 млн гектаров по данным обеих переписей, т. е. ЛПХ продолжают использовать малую долю российской пашни). Доля пашни в распоряжении сельских ЛПХ немного увеличилась, но только потому, что общая площадь пашни сократилась в межпереписной период. Кроме того, сопоставление данных двух сельскохозяйственных переписей показало, что площадь пашни ЛПХ в сельских районах сократилась в пяти из восьми федеральных округов. И, напротив, бо́льшую часть сельхозугодий фермерских хозяйств составляет пашня, что имеет очевидные последствия для производства продовольствия.

Подписание федерального закона о «дальневосточном гектаре» в 2016 году подкрепило тенденцию роста сельхозугодий ЛПХ, но не пашни. Предполагалось, что благодаря закону ЛПХ увеличат производство продуктов питания на Дальнем Востоке, нарастят объемы местного импортозамещения и поддержат региональную продовольственную безопасность (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018: 126-29). Федеральный закон разрешает получателю гектара бесплатно использовать земельный участок в течение пяти лет, а затем перевести его в свою частную собственность без покупки. Через пять лет земельный участок можно также сдать в аренду, если получатель не хочет становиться его собственником. Если земельный участок не используется или используется не по назначению (не для строительства жилья, ведения ЛПХ, коммерческого фермерского предприятия и связанных с ним видов предпринимательской деятельности, садоводства, огородничества или сельского туризма), то он подлежит изъятию. Только граждане России могут участвовать в программе получения дальневосточного гектара, а иностранные граждане не могут получить право пользоваться или приобрести эти земельные участки[6].

6. В июне 2017 года президент Путин высказался за расширение программы бесплатного предоставления земельных участков на другие регионы. Летом 2017 года Государственная Дума работала над поправками к федеральному закону о дальневосточном гектаре, например, упростив исполь-

Можно назвать четыре причины, почему бесплатная раздача земли не остановит спад производства ЛПХ: распределяемые дальневосточные гектары — это неиспользуемая или брошенная земля, часто слишком низкого качества для сельхозпроизводства; до тех пор, пока обладатель гектара не получит финансирование на улучшение качества земли с помощью натуральных удобрений, орошения или осушения, ее нельзя использовать для сельхозпроизводства; предоставляемые бесплатно земельные участки слишком малы для ЛПХ (не могут превышать 2,5 гектара), тогда как другие сельхозпроизводители могут получить значительно бо́льшие наделы, например, схожая программа в Вологодской области предполагает, что будущим фермерам выделят по 20 гектаров земли, а сельхозпредприятиям — до 100 гектаров (Благодаря «вологодскому гектару»..., 2019); незначительная доля получателей бесплатных земельных участков намерена заниматься сельским хозяйством, например в Хабаровском крае — только 11% (Владельцам «дальневосточных гектаров»..., 2019).

И, наконец, третья группа причин нынешнего упадка ЛПХ связана с содержанием домашнего скота: с 1980-х годов, когда государственная статистика зафиксировала растущее нежелание населения держать крупный скот, прослеживается тенденция сокращения его поголовья в ЛПХ (Личное подсобное хозяйство..., 1989: 108). С 1990 по 2000 год резко выросло поголовье крупного рогатого скота и молочных коров в ЛПХ (Сельскохозяйственная деятельность, 2003: 27) (а также поголовье свиней, овец, коз, кроликов и домашней птицы). С середины 2000-х годов наметился спад показателей животноводства в секторе ЛПХ: за межпереписной период поголовье крупного рогатого скота сократилось на 28%, или 2,8 млн голов, поголовье молочных коров — на треть, или 1,3 млн голов; поголовье свиней уменьшилось на 55%, или 4,3 млн голов, коз — на 25%, или 500 тыс. голов, птицы — на 22%, или почти 29 млн. Причины сокращений поголовья зависят от вида скота/птицы, но обычно это высокие затраты, дискомфорт, заболевания и изменение ценностей. Безусловно, приведенные цифры не сопоставимы с массовым забоем периода сталинской коллективизации, но масштабы отказа ЛПХ от домашней скотины все равно впечатляют, особенно учитывая, что спад начался до введения регионами ограничительных мер.

Снижение экономического вклада ЛПХ явно противоречит нарастающей популярности устойчивого сельского хозяйства и органических продуктов. Российские городские потребители, как и горожа-

---

зование земли в качестве залогового обеспечения и уточнив основания, по которым человеку может быть отказано в предоставлении земельного участка. Несколько недель спустя президент расширил зону действия закона о дальневосточном гектаре до всей страны. С 2017 года ряд регионов разработали собственную модель работы, внеся в нее несколько изменений, например, разрешив предприятиям получать землю и увеличивать размеры предоставляемого бесплатно земельного участка.

не на Западе, все чаще интересуются тем, где выращены продукты питания, и стремятся покупать местную продукцию. Органические продукты набирают популярность, несмотря на то что их розничная торговля серьезно ограничена высокими ценами и низкими доходами многих групп потребителей. Национальный органический союз России предсказывает феноменальный рост производства органической продукции, как только в январе 2020 года в силу вступит федеральный закон «Об органической продукции», что прибавит потребителям уверенности в том, что продукты с маркировкой «органические» действительно являются таковыми. В 2019 году в России продажи органической продукции составляют 1–2% продаж собственной продукции, но ожидается, что этот показатель вырастет до 5 млрд евро ежегодно за следующие десять лет; около 25% российских потребителей признаны потенциальными «постоянными покупателями» органических продуктов; агрохолдинги и фермерские хозяйства активно внедряют органическое земледелие, чтобы обозначить свое присутствие на рынке органической продукции (Каковы перспективы..., 2019). Таким образом, те ЛПХ, что, казалось бы, имеют рыночное преимущество, выращивая органическую продукцию, вскоре столкнутся с жесткой конкуренцией со стороны ее крупных производителей.

Парадокс четвертый: неверная интерпретация событий?

Четвертый парадокс заключается в том, что ЛПХ располагают возможностями для интеграции в каналы поставок продуктов питания, но не могут встроиться в повседневные потребительские практики россиян и национальные интересы страны. В то время как сельскохозяйственное производство концентрируется, каналы поставок стабилизируются, санитарно-ветеринарный контроль становится всеобъемлющим, а российские сельхозпредприятия интегрируются в глобальные рынки, ЛПХ все сильнее отстают по каждой из позиций. Иными словами, разрыв между традиционным сельским хозяйством в формате ЛПХ и современным аграрным производством нарастает.

В советский период Коммунистическая партия стремилась предотвратить негативное воздействие ЛПХ на коллективное сельское хозяйство, ограничивая их производственные возможности посредством контроля потоков продукции и финансовых ресурсов, в которые могли встроиться ЛПХ. Руководство страны пыталось гарантировать сохранение традиционных методов производства в ЛПХ (ручной труд), а вовлеченность в домашние заботы сдерживала развитие в ЛПХ производственной специализации и накопление научных знаний, поэтому любое заболевание или травма скота влекли за собой значительное снижение доходов (Johnson, Kilby, 1975: 22-27). Советское правительство хотело управлять одновременно двумя противоречивыми тенденциями: контролировать мелких сельхозпроизводителей и препятствовать частной инициативе, но при

этом не запрещать ЛПХ производственную деятельность, которая обеспечивала продовольствием местное население.

Крупные хозяйства, отрезанные в социалистический период от международных рынков, в постсоветские годы обрели новые возможности благодаря тому, что были механизированы, вертикально организованы и интегрированы во внешние рынки, а теперь стали и серьезно «финансироваться», создав прочные связи между производством продовольствия и международными финансовыми институциями (Clapp, 2016: 133-169). Прежде подконтрольные государству каналы поставок сегодня регулируются частными компаниями, интегрированными в международные рынки и удовлетворяющими потребительский спрос на безопасные продукты высокого качества (Swinnen, Maertens, 2007). Появление частных торговых сетей и супермаркетов ознаменовало фундаментальное изменение социалистических способов распределения продовольствия (Dries, Reardon, Swinnen, 2004; Reardon, Timmer, Berdegue, 2008).

В отличие от индустриального сельского хозяйства, мелкие сельхозпроизводители не капитализированы, а ЛПХ не интегрированы в каналы поставок продовольствия и внешние рынки, что определяет важность вопроса о месте и роли ЛПХ в современном обществе, где опытные потребители требуют высокого качества и разнообразия продуктов питания. Домохозяйства, ведущие ЛПХ, адаптировались к рыночным условиям и новому институциональному контексту, но лишь немногие из них коммерциализировались и отличаются высоким уровнем доходов (Узун, Сарайкин, 2012; O'Brien, 2012; O'Brien, Patsiorkovsky, 2006; Pallot, Nefedova, 2007; Wegren 2014), однако и они занимаются в основном производством необработанной продукции, что не соответствует запросам горожан. Как правило, ЛПХ продают картофель и овощи, и отведенная ими под картофель площадь превышает посадки всех иных овощей и фруктов (около 40%), хотя с 2006 по 2016 год эта площадь сократилась на 41% (Полунин, Алакоз, Черкашин, 2018: 46). Одно дело — продавать картофель, овощи и ягоды советским потребителям, у которых было мало возможностей для покупки продуктов питания, и другое дело — современным потребителям, привыкшим к супермаркетам и все чаще покупающим готовую и упакованную еду. Заимствуя метафору Дж. Скотта (Scott, 1999) о «государственной оптике», можно утверждать, что сегодня сельхозпроизводители должны заботиться о благополучии общества, но вряд ли нынешние ЛПХ приносят ему большую пользу.

Мелкие сельхозпроизводители и их ЛПХ играли совершенно определенную роль в 1990-е годы — обеспечивали продовольственную безопасность, когда цены на продукты взлетели, а реальные доходы населения рухнули. На протяжении 1990-х годов площадь земельных участков под ЛПХ выросла — с их помощью горожане и сельские жители пытались обеспечить себя продуктами в условиях экономического кризиса (Kalugina, 2000). ЛПХ стали стратегическим ресурсом выживания домохозяйств: с государственной точки зре-

ния, чем больше продукции производили ЛПХ, тем ниже были шансы, что разъяренные толпы выйдут на улицы протестовать против скачков цен и высоких цен на продукты. Однако сегодня непонятно, как сельхозпроизводство домохозяйств может встроиться в гиперкапиталистическую продовольственную систему. Очевидные проблемы нынешних ЛПХ таковы: данный сектор не входит в государственные приоритеты и потому получает мало господдержки; он не может конкурировать с агрохолдингами и крупными фермерскими хозяйствами по уровню проникновения на рынок, качеству продукции и ее ассортименту; он не отвечает государственным интересам как экспортер продовольствия; он не помогает государству повысить международный статус и влияние. Принимая во внимание все возрастающую экономическую мощь агрохолдингов, непонятна роль ЛПХ сегодня: нуждается ли современный АПК в принципе в сельхозпроизводителях, которые ориентированы на собственное потребление; каково социальное значение ЛПХ, помимо садоводства, отдыха на природе и получения удовольствия от выращивания овощей и продуктов?

Неопределенность статуса ЛПХ отражается и в политике государства: хотя капиталистическая система дает «зеленый свет» предпринимательской активности, региональные вспышки свиной чумы и птичьего гриппа заставили государство вернуть ограничительные меры в отношении ЛПХ. В начале 2018 года было выявлено 74 очага свиной чумы, из них 41 — в ЛПХ (Дятловская, 2018). В июле 2018 года Россельхознадзор ввел карантин в 40 очагах, включая ЛПХ в Калужской, Курской, Самарской, Пензенской, Саратовской и Орловской областях (Россельхознадзор прогнозирует..., 2018). Неудовлетворительные санитарные условия производства в ЛПХ угрожают корпоративным интересам, и агрохолдинги пытаются заставить региональные правительства ввести новые ограничительные меры в отношении мелких сельхозпроизводителей, чтобы сдержать распространение заболеваний. Например, в декабре 2018 года правительство Калининградской области запретило выращивать свиней на приусадебных участках, в результате в начале 2019 года поголовье свиней в области сократилось на 99% (Калининградские власти заявили..., 2019). Одни регионы предлагают ограничить поголовье домашнего скота по аналогии с советским периодом, другие — заставить домохозяйства регистрировать скотину в муниципалитетах, чтобы отслеживать соблюдение ЛПХ ограничительных мер, — Министерство сельского хозяйства поддерживает введение региональных ограничений на поголовье свиней в ЛПХ.

Парадокс пятый: какое будущее ждет российские ЛПХ?

Пятый парадокс состоит в том, что ЛПХ выдержали годы сталинских репрессий и войны, помогли пережить хронические продук-

товые дефициты советского периода, сыграли роль подушки продовольственной безопасности в 1990-е годы, а теперь переживают необратимый спад в эпоху благополучия и стабильности, и их будущее в российской продовольственной системе неясно. С одной стороны, в буквальном смысле слова ЛПХ продолжат свое существование — на сельских территориях земля вокруг жилых построек, используемая под домашние сады и огороды, не может быть изъята (это запрещено законодательно), т. е. бессмысленно рассматривать подобный вариант развития события. Приусадебные участки — структурная характеристика российского села, невозможно даже представить, что эта земля вдруг будет отнята у домохозяйств, а даже если бы этот шаг был возможен, то вызвал бы крайне негативную реакцию населения. Иными словами, эта земля не может исчезнуть из пользования домохозяйств, и они продолжат здесь производство продуктов питания, т. е. с этой точки зрения ЛПХ, несомненно, имеют будущее.

С другой стороны, на протяжении десятилетий ЛПХ играли важную роль в российской продовольственной системе, участвуя в региональных и местных поставках продовольствия. Мелкие сельхозпроизводители и их ЛПХ занимали особое место в советском обществе, пополняя семейный рацион и гарантируя продовольственную безопасность домохозяйств, — эта роль отчасти оспаривалась и подавлялась советским режимом, но была очевидна. В 1990-е годы ЛПХ обеспечивали продовольственную безопасность миллионов домохозяйств, когда экономика находилась в кризисе и реальные доходы населения резко упали. Сегодня функции ЛПХ меняются: вероятнее всего, производительность ЛПХ продолжит снижаться в абсолютных объемах и по сравнению с другими производителями, и через десять лет или даже раньше фермерские хозяйства обгонят ЛПХ по объему продукции. В широком экономическом смысле будущее ЛПХ неясно, особенно учитывая, что российский АПК находится на ранних стадиях технологической революции: агрохолдинги и крупные хозяйства начинают использовать дроны, беспилотные тракторы и комбайны, роботов и другие продвинутые технологии, которые делают производство более эффективным и прибыльным, а ЛПХ работают по-прежнему (Wegren, 2018). По мере развития технологической революции ЛПХ будут утрачивать свои экономические позиции.

Будущее ЛПХ неясно и по другим причинам. Во-первых, определяющую роль играет государственная политика: руководство страны стремится к статусу мировой державы и глобального экспортера продовольствия, легитимируя тем самым действующий политический режим, но ЛПХ производят бо́льшую часть продукции для собственного потребления и не интегрированы в каналы поставок продовольствия и внешние рынки, т. е. не способствуют достижению целей государства. Во-вторых, если в развивающихся странах малые формы хозяйствования — это, как правило, образ жизни,

то для российских домохозяйств ЛПХ — скорее вспомогательный способ продовольственного обеспечения или вид досуга: поскольку занятость в сельской местности диверсифицируется и здесь появляется все больше форм несельскохозяйственной деятельности, высока вероятность, что все больше домохозяйств будут отказываться от ЛПХ в пользу иных способов провести свободное время. В-третьих, нужно учитывать демографические и трудовые процессы: сельские жители младше 30 лет продолжают уезжать из сел и все чаще предпочитают несельскохозяйственную занятость (Bednarikova, Bavorova, Ponkina, 2016; Unay-Gailhard, Bavorova, Bednarikova, Ponkina, 2019), но именно эта когорта тратит больше всего времени на работу в ЛПХ по данным статистики (Итоги пилотного выборочного обследования..., 2010). Объективно у пенсионеров больше времени на работу в ЛПХ, но затрачивают они, наоборот, меньше времени, чем молодежь, поскольку у них не хватает сил на все те действия, что необходимы для продажи продуктов питания: загрузка продукции в машину (или упаковка для перевозки на автобусе), сама поездка, разгрузка, выкладывание на прилавке, продажа в течение дня, а затем повторение запаковки/поездки и разгрузки на обратном пути. Таким образом, важным ограничением для ЛПХ являются физические и трудовые возможности тех, кто продолжает жить в деревне.

В-четвертых, в июне 2019 года вступила в действие новая государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», рассчитанная на период до 2025 года и 2,28 млрд рублей (примерно 1 млрд — из федерального бюджета)[7]. Детальное рассмотрение программы потребовало бы написания отдельной статьи, поэтому ограничимся кратким комментарием: программа нацелена на четыре основных направления работы — жилищное строительство и улучшение жилищных условий; развитие сельской инфраструктуры и сферы услуг на сельских территориях; снижение сельской бедности, повышение сельской занятости и доходов сельского населения; улучшение сельской транспортной инфраструктуры (Село на два триллиона..., 2019). Критически настроенный читатель неизбежно отметит схожесть этих целей с другими государственными программами начиная с 1970-х годов, призванными содействовать социальному развитию сельских территорий. Однако село все еще серьезно отстает от города по уровню жилищного благоустройства,

7. В мае 2019 года члены «Единой России» предложили преобразовать программу в национальный проект, поскольку тогда на 99% она бы финансировалась из федерального бюджета, а на 1% — из региональных бюджетов (Село на два триллиона..., 2019). В ответ премьер-министр Д.А. Медведев сопоставил масштабы программы с национальным проектом, однако не сказал прямо, что поддерживает предложение. Программа вступила в действие в июне этого года как федеральная программа, а не как национальный проект.

доходов, основных услуг и инфраструктуры. Придется подождать, чтобы оценить эффективность новой государственной программы, пока же очевидно, что если программа будет успешной, то она еще больше снизит мотивацию населения вести ЛПХ.

Относительно недавно приусадебные сады были широко распространены в социалистических странах Восточной Европы, но в постсоветский период их популярность и экономический вклад в продовольственное обеспечение резко снизились практически повсеместно, за исключением Румынии и Болгарии. По мере модернизации в этих странах росли доходы сельского населения, а постматериалистические ценности вытеснили потребность выращивать собственные овощи и фрукты. То же самое может случиться в России: чем более успешной будет федеральная программа развития сельских территорий, тем меньше сельские жители будут заинтересованы в ЛПХ. Вот лишь два тому подтверждения: во-первых, программа предоставила сельским жителям возможность брать ипотечные кредиты под менее чем 3% годовых с выплатой сразу 20% стоимости жилья, и сельское жилье не будет иметь приусадебного участка, в случае необходимости человек должен будет арендовать землю вдали от дома, т. е. само понятие приусадебного сада теряет смысл; во-вторых, программа призвана повысить сельские доходы и расширить возможности несельскохозяйственной занятости, тем самым сократив масштабы сельской бедности, однако занятость и рост доходов устраняют необходимость выращивать овощи и фрукты, потому что их можно купить, что оставляет больше свободного времени для иных занятий. Иными словами, два основных вызова, с которыми столкнулись сегодня сельские ЛПХ, — это благосостояние и модернизация.

Заключение

Российские ЛПХ — прекрасный кейс для исследований по девелопментализму, поскольку он показывает, как сектор мелких сельхозпроизводителей сокращает свой вклад в экономический рост. Кроме того, конкуренция крупных и малых хозяйств сегодня обрела такие формы, что вторые просто не могут в ней выиграть. Соответственно, ЛПХ были важнейшей чертой российского общества и села на протяжении столетия, но сегодня продолжают решать лишь задачу самообеспечения домохозяйств продуктами питания, практически не участвуя в локальных системах продовольственного обеспечения.

Несмотря на различные государственные ограничения в советский период, ЛПХ играли жизненно важную роль в местном и региональном продовольственном снабжении. Владельцы ЛПХ, будучи работниками совхозов и колхозов, выстраивали симбиотические отношения с сельхозпредприятиями, которые поддерживали

их деятельность по самообеспечению продуктами питания. Постсоветский период расширил права ЛПХ, например, предоставив право приватизировать землю вокруг жилых построек и увеличить обрабатываемый участок за счет аренды. Однако ЛПХ утрачивают свое прежнее значение по причине использования устаревших методов производства и неучастия в поставках продовольствия и международных рынках. В отличие от развивающихся стран, где мелкие сельхозпроизводители остаются важнейшим ресурсом экономического роста и продовольственной безопасности, в России складывается совершенно иная ситуация.

Вряд ли сегодня можно придумать способ остановить спад производительности российских ЛПХ в относительных или абсолютных показателях. В литературе по девелопментализму часто используется понятие «гибкость» (resilience), обозначающее способность «предвидеть, поглощать и восстанавливаться после негативных воздействий, подстраиваясь под неблагоприятные внешние обстоятельства» (Progress and Challenges..., 2017: 7). Российские ЛПХ такой гибкостью не обладают, потому что у их владельцев мало рычагов для смягчения влияния враждебного экономического окружения и отмены ограничительных мер региональных правительств. В этой ситуации возможны два пути: один — отказаться от ЛПХ: их число в сельских районах сократилось на 88 тысяч с 2006 по 2016 год, что нельзя назвать резким спадом, но все же это сокращение говорит о радикальном изменении тенденции 1990-х годов (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, т. 1: 70-71; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 1: 109-110). Другой и более вероятный путь — смириться с нынешним спадом производительности ЛПХ и их превращением в досуговое занятие. Маргинализация ЛПХ очевидна, потому что это превращение не окажет существенного влияния на городских потребителей. Вклад ЛПХ в ВВП страны минимален, а в экспорт продовольствия (нынешний приоритет российского правительства) — незначителен. Безусловно, сегодня ситуация кардинально отличается от недавнего прошлого, когда на протяжении десятилетий продукция ЛПХ была столь важным источником продуктов питания для горожан, что советские лидеры шли на идеологические уступки, разрешая, а иногда даже помогая ЛПХ производить больше продукции. Если бы продукция ЛПХ исчезла в 1980-е или 1990-е годы, то это оказало бы крайне негативное воздействие на горожан и сельских жителей в равной степени. Продукция ЛПХ была неотъемлемой частью локальных продовольственных систем, а горожане покупали ее на колхозных рынках. Сегодня ситуация изменилась: вряд ли среднестатистический житель Москвы или любого другого крупного города ощутит экономические последствия прекращения производства в ЛПХ, поскольку их продукция играет незначительную роль в снабжении и распределении продовольствия по сравнению с советским периодом: горожане уже привыкли

покупать продукты в супермаркетах, минимаркетах и розничных сетях.

Таким образом, с точки зрения распределения продовольствия среди горожан роль ЛПХ сегодня минимальна. В сельских районах ситуация несколько иная, потому что потребительские кооперативы закупают в ЛПХ продукты для последующей перепродажи, но кооперативы не являются основой продовольственного обеспечения сельского населения. Что касается поставок продовольствия, то агрохолдинги и крупные хозяйства поставляют бо́льшую часть продуктов, которые приобретают горожане (например, Россия продолжает наращивать мясное производство, а показатели животноводства по ЛПХ, наоборот, падают). Фермерские хозяйства заполняют особые рыночные ниши: небольшие семейные хозяйства производят деликатесные сыры и органические продукты, развивают онлайн-продажи и доставку. Уже сегодня владельцы ЛПХ понимают, что купить молоко — дешевле, чем держать корову, а купить картошку — дешевле (и удобнее), чем вырастить ее. В случае необходимости у государства есть политические рычаги, чтобы компенсировать отказ ЛПХ от производства, например, меры по поддержке импортозамещения могут быть смягчены, что позволит России импортировать дешевые овощи из стран СНГ и Евразийского экономического союза, а дешевое мясо — из стран Латинской Америки или Китая. Иными словами, если наши оценки верны, эпоха экономического доминирования ЛПХ в России закончилась, и их уход с экономической сцены не скажется на продовольственной безопасности страны.

Библиография

Бенедиктов И.А. (1989). О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. № 4.

Благодаря «вологодскому гектару» в сельхозоборот введено уже 90% пустующих земель // https://kvedomosti.ru/news/blagodarya-vologodskomu-gektaru-v-selxozoborot-vvedeno-uzhe-90-procentov-pustuyushhix-zemel.html

Владельцам «дальневосточных гектаров» помогут наладить сбыт продукции // https://kvedomosti.ru/news/vladelcam-dalnevostochnyx-gektarov-pomogut-naladit-sbyt-produkcii.html

Григоровский В.Е., Алексеев М.А. (1968). Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Дятловская Е. (2018). Russia Baltic Pork Invest уничтожит 111 тысяч свиней из-за АЧС // http://www.agroinvestor.ru/companies/news/30224-russia-baltic-pork-invest-unichtozhit-111-tysyach-sviney

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 1, книга 1: Основные итоги (2008). М.: Статистика России.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 3: Земельные ресурсы и их использование (2008). М.: Статистика России.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 1, книга 1: Основные итоги (2018). М.: Статистика России.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 3: Земельные ресурсы и их использование (2018). М.: Статистика России.

Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением (2010). М.: Росстат.

Каковы перспективы российского рынка органических продуктов // https://agrovesti.net/news/indst/kakovy-perspektivy-rossijskogo-rynka-organicheskikh-produktov.html

Калининградские власти заявили, что в регионе удалось стабилизировать ситуацию с АЧС // http://kvedomosti.ru/news/kaliningradskie-vlasti-zayavili-chto-v-regione-udalos-stabilizirovat-situaciyu-s-achs.html

Кулистикова Т. (2018). Россия должна войти в топ-5 мировых экспортеров свинины // http://www.agroinvestor.ru/rating/news/30028-rossiya-dolzhna-voyti-v-top-5-mirovykh-eksporterov-svininy

Кулистикова Т. (2019). Выручка «Черкизово» может превысить 130 млрд рублей // https://www.agroinvestor.ru/companies/news/31871-vyruchka-cherkizovo-mozhet-prevysit-130-mlrd-rubley

Ленин В.И. (1959). Речь на I Съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей. *Ленин В.И.* Союз рабочего класса и крестьянства. М.: Прогресс.

Личное подсобное хозяйство населения в 1988 году (1989). М.: Госкомстат.

Нефедова Т., Пэллот Дж. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство.

Полунин Г., Алакоз В., Черкашин К. (2018). Состояние и перспективы землепользования личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. № 11.

Россельхознадзор прогнозирует ухудшение ситуации по гриппу птиц // http://kvedomosti.ru/news/rosselxzonadzor-prognoziruet-uxudshenie-situacii-po-grippu-ptic.html

Российский статистический ежегодник (2018). М.: Росстат.

Россия в цифрах (2019). М.: Росстат.

Село на два триллиона: на развитие АПК направят 2,28 трлн рублей // https://kvedomosti.ru/news/selo-na-dva-trilliona-na-razvitie-apk-napravyat-2-28-trln-rublej.html

Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России (2003). М.: Госкомстат.

Узун В., Сарайкин В. (2012). Экономическая классификация личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. № 1.

Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело.

Bates R.H. (1981). Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies. Berkeley: University of California Press.

Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. (2016). Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // Journal of Rural Studies. Vol. 45.

Bernstein H. (2010). Class Dynamics of Agrarian Change. Halifax: Fernwood.

Birner R., Resnick D. (2010). The political economy of policies for smallholder agriculture // World Development. Vol. 38. No. 10.

Clapp J. (2016). Food. Cambridge: Polity Press.

Dries L., Reardon T., Swinnen J.F.M. (2004). The rapid rise of supermarkets in Central and Eastern Europe: Implications for the agrifood sector and rural development // Development Policy Review. Vol. 22. No. 5.

Durr J. (2016). The political economy of agriculture for development today: The 'small versus large' scale debate revisited // Agricultural Economics. Vol. 47.

Goldsmith A. (1985). The private sector and rural development: Can agribusiness help the small farmer? // World Development. Vol. 13. Nos. 10-11.

Graeub B.E., Chappell M.J., Wittman H., Ledermann S., Bezner-Kerr R., Gemmill-Herren B. (2016). The state of family farms in the world // World Development. Vol. 87.

Hazell P., Poulton C., Wiggins S., Dorward A. (2010). The future of small farms: Trajectories and policy priorities // World Development. Vol. 38. No. 10.

Hedlund S. (1989). Private Agriculture in the Soviet Union. L.: Routledge.

Johnson B.F., Kilby P. (1975). Agriculture and Structural Transformation: Economic Strategies in Late-Developing Countries. N.Y.–L.: Oxford University Press.

Kalugina A.I. (2000). Survival strategies of enterprises and families in the contemporary Russian countryside. Russian Views of the Transition in the Rural Sector: Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses. Washington: The World Bank.
Lipton M. (1976). Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development. Cambridge: Harvard University Press.
Lowder S.K., Skoet J., Raney T. (2016). The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide // World Development. Vol. 87.
Moskoff W. (1990). The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II. Cambridge University Press.
O'Brien D.J. (2012). A new institutional approach to entrepreneurship and inequality in rural Russian villages: Survey findings from 1991 to 2006 // Journal of Eurasian Studies. Vol. 3.
O'Brien D.J., Patsiorkovsky V.V. (2006). Measuring Social and Economic Change in Rural Russia: Surveys from 1991 to 2003. Lanham: Lexington Books.
Pallot J., Nefedova T. (2007). Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford University Press.
Progress and Challenges in Global Food Security (2017). Bulletin no. 175. Washington: USDA.
Reaching the Rural Poor: A Renewed Strategy for Rural Development (2003). Washington: The World Bank.
Reardon T., Timmer C.P., Berdegue J. (2008). The rapid rise of supermarkets in developing countries: Induced organizational, institutional, and technological change in agrifood systems. The Transformation of Agrifood Systems: Globalization, Supply Chains and Smallholder Farmers. L.: Earthscan.
Schneiberg M., King M., Smith T. (2008). Social movements and organizational form: Cooperative alternatives to corporations in the American insurance, dairy and grain industries // American Sociological Review. Vol. 73.
Scott J.C. (1999). Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Failed. New Haven: Yale University Press.
Swinnen J.F.M., Maertens M. (2007). Globalization, privatization, and vertical coordination in food value chains in developing and transition countries // Agricultural Economics. Vol. 37. No. 1.
The State of Food Insecurity in the World (2015). Rome: FAO.
Unay-Gailhard I., Bavorova M., Bednarikova Z., Ponkina E.V. (2019). 'I don't want to work in agriculture!'. The transition from agricultural education to the labor market in rural Russia. Rural Sociology, vol. 84, no. 2.
Van de Walle N. (2001). African Economies and the Politics of Permanent Crisis. N.Y.: Cambridge University Press.
Wadekin K.E. (1973). The Private Sector in Soviet Agriculture. Berkeley: University of California Press.
Wadekin K.E. (1982). Agrarian Policies in Communist Europe: A Critical Introduction. Allanhead: The Hague.
Wegren S.K. (1998). Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia. University of Pittsburgh Press.
Wegren S.K. (2014). Rural Inequality in Divided Russia. L.–N.Y.: Routledge.
Wegren S.K. (2018). The 'left behind': Smallholders in contemporary Russian agriculture // Journal of Agrarian Change. Vol. 18. No. 4.
Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. (2018). Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table. Lanham: Lexington Books.

The paradoxes of smallholders in contemporary Russia

Stephen Wegren, Professor of Political Science, Southern Methodist University, Dallas (USA). P.O. Box 750333, Dallas, TX 75275-0333. E-mail: swegren@smu.edu.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Contemporary Russian smallholders — *lichnoe podsobnoe khoziaistvo (LPKh)* — are characterized by a number of paradoxes. At the core of these paradoxes is that the role of *LPKh* in the agricultural system is changing and its future is uncertain. As agricultural production in Russia becomes more concentrated in fewer companies, as supply lines are strengthened, as regulation of sanitary and veterinary conditions become more comprehensive, and as Russian companies are more integrated to global markets, *LPKh* is falling behind on each dimension. Already in production decline, smallholders are likely to experience continued marginalization into the future. The prospects for reversal of marginalization are poor. It is difficult to see how smallholders' downward drift in Russia, either relative or absolute, can be stopped. *LPKh* in Russia lack resiliency in that operators have few levers to mitigate the effects of an increasingly hostile economic environment or to reverse the restrictive policies that emanate from regional governments. Moreover, contemporary urban consumers do not depend on *LPKh* output as before and the sector does not help the state attain its goals, which means that the *LPKh* sector is not a priority. The Russian case adds to the development literature by showing a smallholder sector that is making progressively less contribution to economic growth. Further, smallholder-large farm relations are competitive in a way that smallholders cannot possibly win. The household sector will continue to produce food for self-provision but its contribution to local food supply is likely to decline.

Key words: Russia, smallholders, household plots, household gardens, post-soviet agriculture

References

Bates R.H. (1981) *Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies,* Berkeley: University of California Press.

Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. (2016) Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia. *Journal of Rural Studies*, vol. 45.

Benediktov I.A. (1989) O Staline i Khrushcheve [On Stalin and Khrushchev]. *Molodaia Gvardiia,* no 4.

Bernstein H. (2010) *Class Dynamics of Agrarian Change,* Halifax: Fernwood.

Birner R., Resnick D. (2010) The political economy of policies for smallholder agriculture. *World Development*, vol. 38, no 10.

Blagodaria 'Vologodskomu gektaru' v selkhozoborot vvedeno uzhe 90 protsentov pustuiushchikh zemel [Thanks to Vologda hectare already 90 percent of empty land has been entered into agricultural production already]. May 24, 2019. URL: https://kvedomosti.ru/news/blagodarya-vologodskomu-gektaru-v-selxozoborot-vvedeno-uzhe-90-procentov-pustuyushhix-zemel.html.

Clapp J. (2016) *Food,* Cambridge: Polity Press.

Dries L., Reardon T., Swinnen J.F.M. (2004) The rapid rise of supermarkets in Central and Eastern Europe: Implications for the agrifood sector and rural development. *Development Policy Review*, vol. 22, no 5.

Durr J. (2016) The political economy of agriculture for development today: The 'small versus large' scale debate revisited. *Agricultural Economics*, vol. 47.

Dyatlovskaia E. (2018) Russia Baltic Pork Invest unichtozhit 111 tysyach sviney iz-za AChS [Russia Baltic Pork Invest destroys 111 thousand pigs due to African swine fever].

URL: http://www.agroinvestor.ru/companies/news/30224-russia-baltic-pork-invest-unichtozhit-111-tysyach-sviney.

Goldsmith A. (1985) The private sector and rural development: Can agribusiness help the small farmer? *World Development*, vol. 13, no 10-11.

Graeub B.E., Chappell M.J., Wittman H., Ledermann S., Bezner-Kerr R., Gemmill-Herren B. (2016) The state of family farms in the world. *World Development*, vol. 87.

Grigorovskii V.E., Alekseev M.A. (1968) *Lichnoe podsobnoe khoziaistvo kolkhoznikov, rabochikh i sluzhashchikh v SSSR* [Personal Subsidiary Farming by Collective Farm Workers, Workers and Employees], Leningrad: Leningrad University.

Hazell P., Poulton C., Wiggins S., Dorward A. (2010) The future of small farms: Trajectories and policy priorities. *World Development*, vol. 38, no 10.

Hedlund S. (1989) *Private Agriculture in the Soviet Union,* London: Routledge.

Itogi pilotnogo vyborochnogo obsledovaniia ispolzovaniia (biudzheta) vremeni naseleniem [Results of a Pilot Investigation of the Use of Time (Budget) by the Population] (2010), Moscow: Rosstat.

Itogi Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda. Tom 1, kniga 1: *Osnovnye itogi* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2006. Vol. 1, Book 1: Basic Results] (2008), Moscow: Statistika Rossii.

Itogi Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi perepisi 2006 goda. Tom 3: *Zemelnye resursy i ikh ispolzovanie* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2006. Vol. 3. Land Resources and Their Use] (2008), Moscow: Statistika Rossii.

Itogi Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda. Tom 1, kniga 1: *Osnovnye itogi* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 1, Book 1: Basic Results] (2018), Moscow: Statistika Rossii.

Itogi Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda. Tom 3: *Zemelnye resursy i ikh ispolzovanie* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 3. Land Resources and Their Use] (2018), Moscow: Statistika Rossii.

Johnson B.F., Kilby P. (1975) *Agriculture and Structural Transformation: Economic Strategies in Late-Developing Countries,* New York–London: Oxford University Press.

Kakovy perspektivy Rossiiskogo rynka organicheskikh produktov [Prospects for organic products in the Russian market]. April 5, 2019. URL: https://agrovesti.net/news/indst/kakovy-perspektivy-rossijskogo-rynka-organicheskikh-produktov.html.

Kaliningradskie vlasti zaiavili, chto v regione udalos stabilizirovat situatsiiu s AChS [Kaliningrad officials announce a stabilization of the situation with African swine fever in the region]. February 27, 2019. URL: http://kvedomosti.ru/news/kaliningradskie-vlasti-zayavili-chto-v-regione-udalos-stabilizirovat-situaciyu-s-achs.html.

Kalugina A.I. (2000) Survival strategies of enterprises and families in the contemporary Russian countryside. *Russian Views of the Transition in the Rural Sector: Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses,* Washington: The World Bank.

Kulistikova T. (2018) Rossiia dolzhna voiti v top-5 mirovykh eksporterov svininy. June 29, 2018. URL: http://www.agroinvestor.ru/rating/news/30028-rossiya-dolzhna-voyti-v-top-5-mirovykh-eksporterov-svininy.

Kulistikova T. (2019) Vyruchka 'Cherkizovo' mozhet prevysit 130 mlrd rublei [Earnings of Cherkizovo may exceed 130 billion rubles]. June 6, 2019. URL: https://www.agroinvestor.ru/companies/news/31871-vyruchka-cherkizovo-mozhet-prevysit-130-mlrd-rubley.

Lenin V. (1959) Speech delivered at the First Congress of Agricultural Communes and Agricultural Artels. Lenin V.I. *Alliance of the Working Class and Peasantry,* Moscow: Progress.

Lichnoe podsobnoe khoziaistvo naseleniia v 1988 godu [Personal Auxiliary Farming of the Population in 1988] (1989), Moscow: Goskomstat.

Lipton M. (1976) *Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development,* Cambridge: Harvard University Press.

Lowder S.K., Skoet J., Raney T. (2016) The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide. *World Development*, vol. 87.

Moskoff W. (1990) The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II, Cambridge University Press.

Nefedova T., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe khoziaistvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why is a Cow Needed?], Moscow: Novoe izdatelstvo.

O'Brien D.J. (2012) A new institutional approach to entrepreneurship and inequality in rural Russian villages: Survey findings from 1991 to 2006. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 3.

O'Brien D.J., Patsiorkovsky V.V. (2006) *Measuring Social and Economic Change in Rural Russia: Surveys from 1991 to 2003,* Lanham: Lexington Books.

Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*, Oxford University Press.

Polunin G., Alakoz V., Cherkashin K. (2018) Sostoianie i perspektivy zemlepolzovaniia lichnykh podsobnykh khoziaistv [Status and future of land use by personal subsidiary farming]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 11.

Progress and Challenges in Global Food Security (2017). Bulletin no 175, Washington: USDA.

Reaching the Rural Poor: A Renewed Strategy for Rural Development (2003), Washington: The World Bank.

Reardon T., Timmer C.P., Berdegue J. (2008) The rapid rise of supermarkets in developing countries: Induced organizational, institutional, and technological change in agrifood systems. *The Transformation of Agrifood Systems: Globalization, Supply Chains and Smallholder Farmers,* London: Earthscan.

Rosselkhoznadzor prognoziruet ukhudsheniye situatsii po grippu ptits [Rosselkhoznadzor forecasts a worsening situation for bird flu]. July 5, 2018. URL: http://kvedomosti.ru/news/rosselxzonadzor-prognoziruet-uxudshenie-situacii-po-grippu-ptic.html.

Rossiia v tsifrakh [Russia in Figures] (2019), Moscow: Rosstat.

Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook] (2018), Moscow: Rosstat.

Schneiberg M., King M., Smith T. (2008) Social movements and organizational form: Cooperative alternatives to corporations in the American insurance, dairy and grain industries. *American Sociological Review*, vol. 73.

Scott J.C. (1999) *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Failed*, New Haven: Yale University Press.

Selo na dva trilliona: na razvitie APK napraviat 2.28 trln rublei [Two trillion for the countryside: For development of the APK 2.28 trillion are allocated]. May 23, 2019. URL: https://kvedomosti.ru/news/selo-na-dva-trilliona-na-razvitie-apk-napravyat-2-28-trln-rublej.html.

Selskokhoziaistvennaia deiatelnost khoziaistv naseleniia v Rossii [Agricultural Activity by Households in Russia] (2003), Moscow: Goskomstat.

Swinnen J.F.M., Maertens M. (2007) Globalization, privatization, and vertical coordination in food value chains in developing and transition countries. *Agricultural Economics*, vol. 37, no 1.

The State of Food Insecurity in the World (2015), Rome: FAO.

Unay-Gailhard I., Bavorova M., Bednarikova Z., Ponkina E.V. (2019) 'I don't want to work in agriculture!'. The transition from agricultural education to the labor market in rural Russia. *Rural Sociology*, vol. 84, no 2.

Uzun V., Saraikin V. (2012) *Ekonomicheskaia klassifikatsiia lichnykh podsobnykh khoziaistv* [Economic Classification of Personal Subsidiary Farming], APK: Ekonomika, Upravlenie, no. 1.

Uzun V.Ia., Shagaida N.I. (2015) *Agrarnaia reforma v postsovetskoi Rossii: mekhanizmy i resultaty* [Agrarian Reform in Postsoviet Russia: Processes and Results], Moscow: Delo.

Van de Walle N. (2001) *African Economies and the Politics of Permanent Crisis*, New York: Cambridge University Press.

Vladeltsam 'dalnevostochnykh gektarov' pomogut naladit sbyt produktsii [Owners of Far Eastern hectare will be helped to sell produce]. May 15, 2019. URL: https://kvedomosti.ru/news/vladelcam-dalnevostochnyx-gektarov-pomogut-naladit-sbyt-produkcii.html.

Wadekin K.E. (1973) *The Private Sector in Soviet Agriculture*, Berkeley: University of California Press.
Wadekin K.E. (1982) *Agrarian Policies in Communist Europe: A Critical Introduction*, Allanhead: The Hague.
Wegren S.K. (1998) *Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia*, University of Pittsburgh Press.
Wegren S.K. (2014) *Rural Inequality in Divided Russia*, London–New York: Routledge.
Wegren S.K. (2018) The 'left behind': Smallholders in contemporary Russian agriculture. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4.
Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. (2018) *Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table*, Lanham: Lexington Books.